

Оценка личности Мухаммада в мусульманской теологической мысли

В статье рассматриваются проблемы движения религиозно-идеологической мысли в период начальной проповеди ислама, духовной разобщенности в арабском обществе, когда идея единобожия и особенности того монотеизма, к которому пришел Мухаммад, требовали от него не только личного уверования, но и активного проповедничества.

Ключевые слова: Мухаммад, Пророк, *Key words:* Muhammad, prophet, Коран, Сунна, хадис, Мекка, джихад. *ran, Sunna, hadis, Месса, jihad.*

Анализ мусульманского историко-религиозного предания о поступках и изречениях Мухаммада (*Сунна*) имеет немаловажное значение для выявления акцентуированных черт характера и особенностей его поведения, научной реконструкции социально-политического портрета Пророка. При этом следует заметить, что известные и принятые авторитетными мусульманскими теологами словесные описания внешности и манер Мухаммада основаны именно на рассказах его сподвижников и последователей. Наиболее достоверным считается сообщение Али ибн Абу-Талиба, на которого ссылаются ранние биографы пророка и влиятельнейшие комментаторы Корана и сунны.

Ибн Хишам со ссылкой на Али ибн Абу Талиба дает следующее описание: «Он (Мухаммад. – М.Р.) не был высоким, стройным и не был коротким, был среднего роста; волосы его были не очень курчавые и не гладкие, аккуратно причесанные; не был полным и не был скуластым, кожа его лица была бело-розовой, а глаза были черными; был он с длинными ресницами и ширококостный, широкоплечий, с мелкими волосами на груди, лишенной растительности, с толстыми руками и ногами, с легкой походкой, как будто он спускается по склону, когда оглядывается, поворачивается полностью; между лопатками и на спине печать пророчества, самый щедрый из людей, самый смелый, самый правдивый в речи, самый верный, самый мягкий, самый дружелюбный; кто его увидит, сразу же почувствует к нему уважение, кто будет общаться с ним, полюбит его»¹.

Дополнительными подробностями и деталями отличается образ Мухаммада, приводимый историком, хадисоведом и комментатором Корана ат-Табари (ум. в 923 г.) со ссылкой на тот же источник: «Он был среднего роста – не высоким и не низким. Лицо у него было розовато-белое, глаза – темные, волосы – густые, блестящие, очень красивые. Лицо обрамляла борода. Длинные волосы ниспадали на плечи. Цветом они были черные. Походка у него была столь энергичной, что казалось, он с каждым шагом от-

¹ *Ибн Хишам.* Жизнеописание пророка Мухаммада. – М., 2002. Жизнь пророка. – М., 2002. – С. 124–125.

рывается от земли, и вместе с тем движения его были столь легки, словно он не касался ее. Однако в походе его не было гордости, присущей сильным мира сего. В лице было столько доброты, что нельзя было отвести глаз. Голодным достаточно было взглянуть на него, как они тотчас же забывали о пище. Страдальцы забывали при нем о своих бедах, очарованные мягкостью его черт и его речи. Все видевшие его были единокорны в том, что никогда, ни раньше, ни позже, не встречали человека, беседа с которым была бы столь приятна. Нос у него был прямой, зубы редкие. Временами волосы ниспадали у него с головы, иногда он завязывал их в два или четыре пучка»².

Сафи ар-Рахману ал-Мубаракфури принадлежит достаточно полное собрание описаний внешности Мухаммада со слов ряда его сподвижников и последователей: «У него был большой рот, большие глаза и сухие лодыжки» (Джабир ибн Самура); «он был белокож и красив лицом» (Абу-т-Туфайл); «у него были крупные кисти рук... на голове и в бороде его не набралось бы и двадцати седых волос» (Малик ибн Анас); «его волосы доходили до мочек ушей... его лицо было круглым» (ал-Бара); «между двумя его передними зубами было некоторое расстояние, и когда он говорил, казалось, что сквозь зубы его пробивается свет» (Ибн ал-Аббас); «у него были длинные ресницы, голос его был слегка хриплым и приятным на слух, шея – длинной, а борода – густой, и у него были длинные, изогнутые и сросшиеся брови»³.

На основе различных мусульманских источников, которые, в свою очередь, базируются на свидетельствах современников Мухаммада, его словесные портреты созданы целым рядом российских и западноевропейских востоковедов⁴. В то же время это не означает, что получены исчерпывающие ответы на все вопросы с точки зрения психологии индивидуальных различий. Более того, в некоторых работах прослеживается предвзятое отношение к Мухаммаду. Например, А.И. Агрономов, упрекая отдельных западных исламоведов в благожелательном, следовательно, на его взгляд, ошибочном отношении к Мухаммаду, излагает собственное мнение о нем, отличающееся крайней антиисторичностью и несправедливостью к личности Пророка: «Мухаммад сам сознавал слабость своих сил, но видел, что последователи его были не столь многочисленны, чтобы они могли составить крепкую силу и мечом проложить кровавую дорогу его честолюбию... Воинственный, хищнический дух арабов поощряет Мухаммада, и он про-

² Цит. по: Курьер ЮНЕСКО, сент.-окт. 1981. – С. 6.

³ Сафи ар-Рахман ал-Мубаракфури. Жизнь Пророка. – М., 2003. – С. 623–637.

⁴ Например: Соловьев В. Магомет, его жизнь и религиозное учение. – СПб., 1902; Бартольд В.В. Соч. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М., 1966; Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. – М., 1989; Widengren G. Muhammad, the Aposile of God and his Ascension. – Uppsala, 1955; Lings M. Muhammad: his life based on the earliest sources. – L., 1983; Rodinson M. Mohamet. – P., 1961; Cook M. Muhammad. – Oxf., 1983; Paret R. Mohammed und der Koran. – Stuttgart, 1957; Watt W.M. Muhammad: Prophet and Statesman. – L., 1961; Вашингтон И. Магомет. – Махачкала, 1991 и др.

возглашает войну за веру. Мирские интересы, разгул неукротимых страстей получают господство над религиозной ревностью и отмечают остальную жизнь Мухаммада кровопролитием, жестокостью, подозрительностью, вероломством и несправедливостью»⁵.

Современные востоковеды скептически относятся к подобным антинаучным утверждениям как западных, так и российских авторов. Как пишут М.В. Вагабов и Н.М. Вагабов, «появление подобных концепций объясняется, во-первых, идеологическим и конфессиональным противостоянием между христианским Западом и мусульманским Востоком; во-вторых, отсутствием научного подхода к изучению истоков новой религии и роли в этом процессе самого Мухаммада; в-третьих, отсутствием достоверных источников по истории начала возникновения ислама»⁶.

Возможность проанализировать результаты непосредственного наблюдения за человеком, как он ведет себя в обществе и в семье, среди единомышленников и в окружении соперников, а также в иных ситуациях, позволяет высказать в достаточной степени аргументированные суждения о его личности. Составной частью такого исследования является и наблюдение за мимикой, жестиком и речевыми интонациями как средствами проверки истинности высказываний человека. В этом отношении *хадисы* содержат необходимый для исследователя фактический материал. В результате сравнительного анализа двух словесных портретов Мухаммада, приведенных выше, вырисовывается обобщенный тип человека среднего роста, плотного телосложения, с конечностями, скорее короткими, чем длинными, легкой походкой, мягким, красивым и выразительным лицом, добросердечного и общительного по темпераменту. Согласно классификации немецкого психолога Э. Кречмера, эти признаки характерны для людей с пикническим типом строения тела и циркулярным психическим предположением, из которых, как правило, получают гениальные вожди⁷.

Для того чтобы обозначить доказательную базу данного положения в отношении Мухаммада, необходимо обратиться к наблюдениям его ближайших сподвижников и последователей, содержащихся в изводимых от них *хадисах*. Сподвижник Пророка Джабир ибн Абдаллах ал-Хазраджи (607–697 гг.), ослепший к концу жизни, упоминает о ряде невербальных средств общения, к которым прибегал Мухаммад во время так называемого «прощального паломничества» (632 г.). Мухаммад говорил, «скрестив пальцы рук»⁸; «поднял указательный палец к небу, а затем указал им на людей и сказал»⁹; запрещая своему двоюродному брату и телохранителю ал-Фадлу

⁵ Агрономов А.И. Джихад: священная война мухаммедан. – М., 2002. – С. 45-46.

⁶ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам: история и современность. – Махачкала, 2002. – С. 15.

⁷ Кречмер Э. Строение тела и характер // Психология индивидуальных различий. Тексты. – М., 1982. – С. 219–247.

⁸ Ибн Хаджар ал-Аскалани. Достижение цели в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право. Пер. с араб. и комм. Э.Р. Кулиева. – М., 2003. – С. 282.

⁹ Там же. – С. 284.

ибн Аббасу засматриваться на проходящих мимо женщин, дважды «закрыв его лицо рукой»¹⁰. В другом *хадисе*, изводимом от двоюродного брата Пророка Абдаллаха ибн Аббаса (619–686 гг.), где фигурирует тот же ал-Фадл ибн Аббас, также засмотревшийся на женщину, Мухаммад «повернул его лицо в другую сторону»¹¹. Мухаммад имел обыкновение брать за уши подростков и юношей¹², в неординарных ситуациях неожиданно смолкать и долго хранить молчание¹³. Иногда он громко смеялся, так, что показывались «его клыки»¹⁴ или «был виден его язычок»¹⁵, т. е. надгортанник, а улыбался «так широко, что показывались его коренные зубы»¹⁶, если ему задавали каверзные вопросы, то сердился или гневался и долго ждал, пока кто-либо из ближайших сподвижников не успокоит его¹⁷.

Мухаммаду нравилось, когда его угощали бараньей лопаткой¹⁸, при отсутствии еды не брезгал саранчой, листьями терновника и цветами акации¹⁹, не отказывался от преподносимых ему в качестве подарка благовоний²⁰, проявлял мнительность²¹, не любил восхваления одним человеком другого²², наставляя паству, то понижал, то повышал голос²³, свои указания или решения по тем или иным вопросам, в том числе и бытовым повторял несколько раз подряд²⁴. Более чем 2000 наиболее достоверных *хадисов* как с научной точки зрения, так и, по мнению авторитетных мусульманских теологов, – Мухаммада ибн Исмаил ал-Бухари (194–256 г. х.), Муслима ибн ал-Хаджадж (204–261 г. х.), Абу Давуд Сулеймана ибн ал-Аш'ас (202–275 г. х.), Мухаммада ибн Иса ат-Тирмизи (209–279 г. х.), отобранных для данного исследования, содержат множество деталей, характеризующих поведение Мухаммада в различных ситуациях.

Примерный перечень этих деталей выглядит следующим образом:

- Мухаммад не любил спать до вечерней молитвы и вести разговоры после нее;
- говорил громко и отчетливо;
- строго требовал явку на молитву по призыву муэдзина;
- после каждой поездки обязательно заходил в мечеть и совершал молитву;

¹⁰ Там же. – С. 285.

¹¹ Там же. – С. 194–195.

¹² Там же. – С. 86.

¹³ Там же. – С. 87; *Ан-Навави*. Мухйи-д-дин. Сады праведных. Пер. и примеч. В.М. Нишра. – М., 2002. – С. 134.

¹⁴ Там же. – С. 125.

¹⁵ *Ан-Навави*. Указ. соч. – С. 347.

¹⁶ Там же. – С. 800.

¹⁷ *Ибн Хаджар ал-Аскалани*. Указ. соч. – С. 131, 147; *Ан-Навави*. Указ. соч. – С. 324.

¹⁸ *Ан-Навави*. Указ. соч. – С. 784.

¹⁹ Там же. – С. 261, 772.

²⁰ Там же. – С. 749.

²¹ Там же. – С. 777.

²² Там же. – С. 749.

²³ Там же. – С. 760.

²⁴ *Ибн Хаджар ал-Аскалани*. Указ. соч. – С. 284, 285; *Ан-Навави*. Указ. соч. – С. 344.

- приходил к тяжелобольным не мусульманам и предлагал принять ислам;
- размышляя о чем-либо, имел обыкновение брать палку и чертить на земле фигуры или ковырять песок;
- выступал против незаконных приобретений;
- любил совершать благие дела, но часто отказывался от их совершения, опасаясь подражания со стороны других людей;
- не одобрял болтливость, хвастовство и склонность к разглагольствованию;
- к военным походам готовился, соблюдая строжайшую секретность;
- не был суеверным, но верил в вещие сны;
- внезапно его охватывал страх²⁵;
- предпринимал спонтанные действия (снял с руки одного человека перстень и выбросил его, утверждая, что это частица адского огня²⁶);
- отличался впечатлительностью, иногда плакал, особенно во время чтения Корана;
- когда плакал, издавал «звуки, подобные звукам, доносящимся из [кипащего] котла»²⁷;
- «отличался большей стыдливостью, чем девушка, сидящая за занавеской»²⁸;
- его тело источало приятный аромат;
- проявлял нежность к малолетним детям, целуя их;
- не поднимал руку на женщин, слуг и животных;
- крайне отрицательно относился ко лжи и к перевиранию собственных высказываний;
- временами проявлял жестокость и мстительность²⁹, но терпеливо сносил личные обиды;
- участвовал в примирении враждующих между собой людей;
- огорчался, если получал отказ на свои предложения или если его в чем-то бытовом превосходили;
- когда радовался, «лицо его озарялось и становилось подобным кусочку луны»³⁰;
- владел искусством полемики;
- обладал даром внушения;
- когда «обращался к людям с проповедями, глаза его краснели, голос становился громким, и он гневался, начиная походить на человека, который предупреждает других о приближении [вражеской] армии»³¹;
- по утрам чистил зубы зубочисткой;

---

²⁵ *Ан-Навави*. – С. 119.

²⁶ Там же. – С. 120.

²⁷ Там же. – С. 242.

²⁸ Там же. – С. 338.

²⁹ Там же. – С. 480, 683.

³⁰ Там же. – С. 28, 111.

³¹ Там же. – С. 109.

- не скрывал своих страданий, когда болел;
- был щепетильным³²;
- требовал почтения к себе;
- не одобрял настойчивости в просьбах;
- любил одеваться в широкие рубахи, рукава которых доходили до запястий;
- у него была рубаха красного цвета и черная чалма;
- выразительно жестикулировал;
- имел очень выразительное лицо, которое менялось в цвете во время гнева;
- указывал рукой на грудь, говоря о душе или сердце;
- дотрагивался пальцем до своего языка, призывая придерживать его;
- увещевая больных, касался указательным пальцем земли, потом поднимал его к небу, намекая на то, что все сущее создано из праха, и на все воля Аллаха, который на небесах;
- наставляя сподвижников и последователей, брал их за плечи;
- нажимал «краешком большого пальца на кончик пальца на правой руке»³³, показывая, как рассыпается в прах гора по велению Аллаха;
- соединял между собой указательный и средний пальцы, говоря о близости двух явлений;
- соединял большой и указательный пальцы в виде круга, имея в виду отверстие;
- закончив есть, облизывал три своих пальца и не оставлял после себя недоеденного;
- был неприхотлив в пище и в быту вообще, говоря, что никогда «не наполнял человек сосуда худшего, чем его собственное чрево»³⁴;
- не понравившуюся еду не порицал, но не притрагивался к ней;
- ему нравилось полулежать на боку, опираясь при этом ладонью о голову.

В целом, Мухаммад производил впечатление человека, который жил сам и давал жить другим, апеллируя к их совести и наказанию в загробной жизни, о чем свидетельствуют его собственные слова, переданные якобы женой Умм Саламой: «Поистине, я – только человек, а вы приходите ко мне [со своими] спорами. И может оказаться так, что кто-нибудь из вас более убедителен в своих аргументах, чем другой, и тогда я вынесу решение в его пользу на основании части того, что услышу, однако [пусть знает] тот, кому я присужу то, что по праву принадлежит его брату, что выделяю я ему частицу [адского] пламени!»³⁵ Вместе с тем личность Мухаммада гораздо глубже и

---

³² Там же. – С. 303.

³³ *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Пер. с араб. Д.В. Фролова. – М., 2000. – С. 123.

³⁴ Там же. – С. 267.

³⁵ Там же. – С. 136–137.

цельнее, а индивидуальность резко отличала его от современников и критическим складом ума, и прагматической направленностью мышления.

Сравнительный анализ двух крупных событий, произошедших после переселения Мухаммада из Мекки в Медину, проливает свет на логику причинно-следственных связей, объясняющих генезис и иерархию основополагающих мотивационных структур. Ключевой позицией здесь может явиться не столько сам факт переселения, сколько та неожиданная и своевременная поддержка со стороны хазраджитов и ауситов, которой Мухаммад немедленно воспользовался с целью реализации своей религиозно-политической доктрины, приобретающей к этому моменту все более четкие очертания. В этой связи не является случайным и то обстоятельство, что разрешение на вооруженное сопротивление было оформлено в виде божественной санкции именно после его переселения в Медину.

Многие особенности поведения Мухаммада, складывавшиеся из отдельных акцентированных черт его характера, диктовались опасениями за собственную жизнь. Одной из таких его черт, не оспариваемых мусульманскими теологами, можно считать склонность к ночным бдениям, особенно развившуюся в период времени, относящегося к *хиджре*. Отгоняя сон, Мухаммад много молился и позволял себе вздремнуть лишь незадолго до рассвета. Ложился он так, чтобы сон оставался чутким, т. е., укладываясь на постель, занимал очень неудобную позу. Возможно, этим объясняются некоторые свидетельства его сподвижников о том, что в дневное время Пророк нередко впадал в сонливое состояние, что отражено в ряде *хадисов*. Во всяком случае, Мухаммаду, со слов его жены Аиши, приписывается сетование: «О, если бы нашелся праведный человек из числа моих сподвижников, который охранял бы меня сегодня ночью!» Согласно мусульманскому преданию, на это пожелание пророка откликнулся числившийся в первой десятке мусульман Саид ибн Абу Ваккас, который первым и стал охранять его ночной покой.

Трудно судить о том, тяготила ли Мухаммада подобная опека, постоянные ночные бдения не могли не отразиться на его характере, даже несмотря на новые безопасные условия жизни. Над ним все еще довлела мания преследования, мешавшая всецело сосредоточиться на религиозно-нравственных проблемах его вероучения. Возможно, Мухаммад рассматривал переселение в Медину с двух взаимоисключающих друг друга точек зрения. С одной стороны, в лице мединцев он нашел верных последователей, и это, безусловно, давало повод для торжества над мекканскими противниками. С другой стороны, это переселение можно было расценить и как позорное бегство, что и подчеркивала непримиримая мекканская знать. Поэтому *хиджра* Мухаммада являлась неоднозначным событием, и Пророк это ясно себе представлял.

В этой связи можно предположить, что социально-психологической основой декларированного Кораном права мусульман на применение оружия и ведение военных действий послужила именно эта двойственность их по-

ложения после переселения в Медину. При этом следует иметь в виду, что многие *мухаджир*ы вынуждены были оставить в Мекке не только свои жилища, хозяйственные постройки, виноградные и финиковые плантации, но и иное движимое имущество. Более того, это переселение нанесло им чувствительный моральный ущерб, сильно ударив по легко уязвимым нравственным принципам и установкам. Для того чтобы устранить возникший дисбаланс в духовной сфере и умалить обозначившееся моральное превосходство мекканцев в глазах своих сторонников, Мухаммад устами Аллаха провозгласил новую идею – путь вооруженной борьбы: «Дозволено [сражаться] тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены. Поистине, Аллах может помочь им, – тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: «Господь наш – Аллах». И если бы не защита Аллаха людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви, и места молитвы, и места поклонения, в которых поминается имя Аллаха много» (XX, 39–41).

Суть данного тезиса заключается в том, что поборникам нового вероучения дозволяется прибегать к оружию исключительно в оборонительных целях, но этого первого шага было достаточно для дальнейшего развития концепции подавления инакомыслия вооруженным путем. Подобная интерпретация могла быть производным от субстратных личностных мотивационных структур, т. е. первоначальных стремлений Мухаммада по обеспечению физической безопасности – собственной, своей семьи, ближайших сподвижников и нарождающейся мусульманской общины в целом. Не очень много времени потребовалось для того, чтобы первоначальную сугубо оборонительную военную доктрину трансформировать в концепцию наступательного *джихада*, т. е. для инициации военных действий в отношении политических противников.

Мухаммад хорошо понимал, что военно-политическое влияние мекканцев можно ослабить только путем подрыва их торгово-экономической мощи. С этой целью в период с марта по декабрь 623 г. он организовал и осуществил семь военных походов за пределы Медины, и только один из них, а именно – поход на Сафван (сентябрь 623 г.), который, по мусульманской традиции, называется также и первым походом на Бадр, имел реальную почву для принятия Мухаммадом ответных действий: язычники под водительством Карза ибн Джабира ал-Фихри угнали часть мединского стада, вследствие чего мусульмане организовали погоню, чтобы отбить похищенное³⁶. Прочие шесть походов были инициированы лично Мухаммадом и имели целью воспрепятствовать прохождению мекканских караванов в Сирию и другие северные территории. Хотя они и были безуспешными, но дали понять курайшитам, что Мухаммад, при благоприятном стечении обстоятельств, будет в состоянии осуществить контроль над их караванными трактами.

³⁶ *Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка Мухаммада. Пер. с араб. Н. Гаунуллина. – М., 2002. – С. 204.

Процесс трансформации оборонительной военной доктрины в наступательную стратегию окончательно завершился в январе 624 г., когда мусульманский отряд Абдаллаха ибн Джахша ал-Асади захватил мекканский караван вблизи ан-Нахлы. Данное событие, сыгравшее важнейшую роль в истории ислама, Мухаммад узаконил божественным откровением. По существу, события в ан-Нахле для ислама имели несравнимо более важное значение, чем даже битва при Бадре. Интерпретируя суть случившегося, Мухаммад проявил завидную изворотливость ума, тонко играя на самых глубинных чувствах своих сторонников.

Смысл его психологической стратегии заключался в том, чтобы убедить их в неизбежности и предопределенности развития событий именно так, как это произошло. Данная психологическая коллизия была развернута таким образом, чтобы в ней могли принять участие все заинтересованные стороны. Неодобрительные оценки мусульман он нейтрализовал знаковой фразой: «Я вам не приказывал убивать в священном месяце»³⁷. А резкие обвинения со стороны курайшитов и мединских иудеев обратил против них же, апеллируя к первоначальному нарушению ими религиозно-нравственных принципов, что выразилось в принуждении мусульман покинуть Мекку и наложении запрета на посещение Каабы. Это выглядело вполне естественно и убедительно. Кроме того, существенную роль сыграла и манипуляция отдельными ключевыми элементами арабско-бедуинского кодекса мужской чести (*мурувва*), умело выхваченными из общего контекста: нанесенная обида обязательно должна компенсироваться адекватным ответом или уплатой *виры*.

Мухаммад учел также и предрасположенность арабов к набегам с целью улучшения своего материального положения. Например, перед битвой при Бадре он призвал мусульман напасть на мекканский караван, упущенный им во время похода на Зу-л-Ушайру (ноябрь-декабрь 623 г.), откровенно формулируя цель набега: «Вот караван курайшитов. В нем – их богатства. Нападайте на них, и, может быть, с помощью Аллаха они вам достанутся!»³⁸ Т. о., была подготовлена нравственно-правовая база, освященная божественной санкцией, позволившая ему осуществлять дальнейшую экспансионистскую политику в отношении своих идеологических противников.

В то же время прагматизм этой политики вовсе не был обусловлен личными корыстными целями Мухаммада, как это стараются представить отдельные западные исследователи, например П. Кроун: «Бог Мухаммада вознес племенную воинственность и стремление к жадному захвату в ранг высших религиозных добродетелей: материальные интересы были теми же, что и в родо-племенном обществе... Именно потому, что материальные ин-

³⁷ *Ибн Хишам*. Указ. соч. – С. 206.

³⁸ Там же. – С. 207.

тересы Аллаха и кочевников из племен совпадали, они так рьяно слушались и повиновались его (т. е. Мухаммада. – М.Р.) указаниям»³⁹.

Подобного мнения с несущественными оговорками придерживается М. Форвард, в общем, симпатизирующий Мухаммаду как великой личности: «Набеги (*магази*) были обычной чертой жизни арабов. Мухаммаду нужно было кормить своих последователей, а в дальнейшем – разбить мекканцев... Он учит, что жизнь нужно воспринимать крайне серьезно, как ристалище, где подчиняются либо нет единому Богу, чьей воле нельзя противиться. Мухаммад был уверен, что божественная воля состояла в том, чтобы нарождающаяся мусульманская община процветала, пусть даже за счет иных человеческих ценностей»⁴⁰.

Историю ан-Нахла и последовавшую затем битву при Бадре можно было бы рассматривать как исходную позицию, с которой начала формироваться концепция священной войны мусульман (*джихад*). Однако аргументированных доводов для подобного утверждения нет. Данная проблема исследовалась многими исламоведами, и высказывались различные мнения, вплоть до взаимоисключающих. Поскольку эта тема не входит в задачу настоящего исследования, следует ограничиться обозначением некоторых ключевых положений, высказанных как западными, так и восточными авторами.

Академик В.В. Бартольд писал: «Джихад (война за веру) был, прежде всего, источником материальных благ. Слова Корана о борьбе с неверными и райском блаженстве, ожидающем павшего в бою, должны были вызвать такое религиозное воодушевление, без которого были бы немислимы блестящие успехи мусульманского оружия, но это воодушевление явилось позже и прошло быстрее, чем думает большинство писавших об исламе»⁴¹.

Британский исламовед У.М. Уотт обращает внимание на следующее обстоятельство: «Целью джихада... становилось не обращение жителей в ислам, а подчинение их мусульманским порядкам при статусе покровительствуемых... Т. о., джихад вел к военной экспансии мусульман, но не к прямому обращению в ислам»⁴². С этими выводами согласны М.В. Вагабов и Н.М. Вагабов, которые указывают на то, что концепция *джихада* расширялась и наполнялась новым содержанием уже после смерти Мухаммада: «Если первые мусульмане, как свидетельствует Коран, объявили джихад и газават против арабских многобожников, то после смерти Мухаммада подобные войны за веру велись против соседних стран и народов и в отдель-

³⁹ Кроун П. Мекканская торговля и возникновение ислама // Пророк Мухаммад. Западно-европейские тексты и комментарии к ним / Сост., пер. и коммент. М.Р. Ризванова. – Мачаккала, 2004. – С. 43–44.

⁴⁰ Форвард М. Мухаммад. Краткая биография. Пер. с англ. А. Гарькавого. – М., 2002. – С. 37–38.

⁴¹ Бартольд В.В. УРаботы по истории ислама и Арабского халифата. Соч. т. VI. – С. 400.

⁴² Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976. – С. 25.

ных исторических условиях приобретали исключительное значение в мире ислама как выполнение мусульманами священной небесной миссии»⁴³.

Несмотря на то, что *джихад* не является одним из так называемых «пяти столпов» ислама и даже на то, что сам Мухаммад бряцанию оружием предпочитал славословие Аллаху, ряд мусульманских авторов акцентировал внимание правителей на предпочтительности участия в *джихаде*. Например, Абу Юсуф ал-Куфи приводит *хадис*, раскрывающий отношение Мухаммада к военным действиям вообще: «Сказал посланник Аллаха: «Нет для сына Адама поступка более способного спасти его от адского пламени, чем поминание Аллаха». Его спросили: «О, посланник Аллаха, даже не подвижничество на пути Аллаха?» Он ответил: «Даже не подвижничество на пути Аллаха, хотя бы ты рубил мечом, пока он не сломается, затем еще рубил бы, пока он не сломается, затем еще рубил бы им, пока он не сломается»⁴⁴. Однако этот же автор, комментируя данный *хадис*, рекомендовал халифу Харуну ар-Рашиду следующее: «Благостное значение джихада по истине велико, и награда за него обильна»⁴⁵.

Нет сомнения в том, что идеология *джихада*, прикрывавшая захватническую политику, формировалась уже без участия Мухаммада и была призвана для достижения определенных целей, т. к. в первых аятах Корана о дозволенности военных действий нет указания об их перенесении на тех, кто в свое время не обижал Мухаммада и его сторонников, а обидчиками, как известно, являлись курайшиты и некоторые другие поддерживавшие их арабские племена. Устами Аллаха Пророк говорит: «Если бы Аллах не удерживал одних людей от других, то были бы разрушены и монастыри, и церкви, и синагоги, и мечети, где постоянно упоминается имя Аллаха. Воистину, Аллах поможет тем, кому он помогает, ибо Аллах сильный и могучий, поможет тем, которые, если Он утвердит их на этой земле, будут совершать молитву, будут давать очистительную милостыню, будут призывать к добру и удерживать от зла» (XX, 40–41). Указав на это обстоятельство, Ибн Хишам замечает: «Потом Аллах ниспослал ему (Мухаммаду. – М.Р.) следующее: «*И воюйте с ними, чтобы вы не стали отказниками*» (II, 193), то есть чтобы верующий не отказался от своей религии и чтобы вера была только в Аллаха, то есть чтобы верующий поклонялся только Аллаху и никому больше»⁴⁶.

Логика событий подвигает к мысли, что Мухаммад в некоторой степени стремился и к удовлетворению своего честолюбия путем возмездия за ранее пережитые от курайшитов обиды. Дело в том, что еще будучи в Мекке, вскоре после того, как объявил о своей пророческой миссии, он проходил мимо Каабы, и находившиеся там язычники всякий раз грубо поносили и оскорбляли его, и это явилось причиной бурной агрессивной реакции,

⁴³ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Указ. соч. – С. 102.

⁴⁴ Абу Юсуф ал-Куфи. Китаб ал-харадж / Пер. с араб. А.Э. Шмидта. – СПб., 2001. – С. 8.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ибн Хишам. Указ. соч. – С. 148.

сильно напугавшей мекканцев. Этот случай, упомянутый Ибн Хишамом, весьма важен для психологической характеристики, констатации и анализа мотивационных структур, определяющих формирование особенностей его поведения: «Он (Мухаммад. – М.Р.) остановился и сказал: «Слышите ли, о люди из рода курайшитов! Клянусь тем, в чьих руках моя душа, от моей руки – ваша смерть». Его слова захватили людей врасплох, и они остолбенели. Даже тот, который больше всех до этого призывал унижить его, стал успокаивать его самыми добрыми словами, которые он нашел в себе, говоря: «Уходи Абу-л-Касим (т. е. Мухаммад. – М.Р.), по-хорошему! Ведь ты никогда не был таким агрессивным!»⁴⁷

Когда Мухаммад призвал своих сторонников напасть на мекканский караван, они отреагировали неоднозначно. Оказалось, что «одни быстро собрались и пришли, а другие не пришли»⁴⁸. По мнению Ибн Хишама, «отказники» не верили в то, что Мухаммад в состоянии осуществить подобную акцию. Современные мусульманские апологеты считают, что Пророк не принуждал всех своих последователей, а обращался только к добровольцам, которых, согласно Ибн Хишаму, насчитывалось 314 человек, мекканцев же было втрое больше. Битва при Бадре представляется одной из самых странных в истории раннего ислама, т. к. ни одна из противоборствующих сторон не имела заранее намеченного плана действий. Алогичность коллизии подтверждается анализом известных фактов, в т. ч. и тех, которые вовсе не характеризуют Мухаммада как одаренного и удачливого военного предводителя. В этом сражении он выполнял скорее роль идейного вдохновителя, нежели полководца.

На пути к Бадру, в местечке Ирк аз-Зубйа, мусульмане встретили бедуина, который огорчил Мухаммада издевательским вопросом. Один из его сторонников грубо ответил кочевнику, и это еще больше огорчило Пророка: он демонстративно отвернулся от них, послал вперед двух лазутчиков и продолжил путь. Далее выясняется, что Мухаммад плохо ориентировался на местности и в дислокации бедуинских племен. В долине Зафиран ему донесли, что мекканский караван, благодаря расторопности и упреждающим мерам, принятым Абу-Суфьяном ибн Харбом, удалился на безопасное расстояние и что из Мекки навстречу мусульманам направляется большой отряд язычников во главе с Абу Джахлем ибн Хишамом. Такого поворота событий Мухаммад, видимо, не ожидал, и первоначальная уверенность в собственных силах была заметно поколеблена. Он срочно созвал «военный совет», на котором *мухаджир*ы подтвердили свою готовность сражаться, а *ансар*ы поклялись в том, что повсюду будут следовать за ним. Подобная преданность воодушевила Пророка и нейтрализовала его сомнения в отношении исхода предстоящего сражения.

Несмотря на это, в действиях Мухаммада прослеживалась известная доля тревожности, спровоцированная чрезмерным умственным напряжением.

⁴⁷ Там же. – С. 80.

⁴⁸ Там же. – С. 207.

Его беспокоило то, что кочевые арабы неохотно шли на контакт и сотрудничество с ним. В этой связи и он сам стал чрезвычайно осмотрительным, подозревая бедуинов в тайном сговоре с мекканцами. Так, в окрестностях Бадра он сам решил осуществить разведку, результатом которой стал весьма неутешительный вывод: окрестные жители знали все о передвижениях мусульман и мекканцев, и в то же время трудно было определить реальную позицию бедуинов. Судя по тому, что Абу-Суфьяну ибн Харбу удалось вывести свой караван из-под удара мусульман, можно предполагать: ситуация складывалась не в пользу Мухаммада. Поэтому, общаясь с кочевниками, он проявлял скрытность и осторожность. «Мы из оазиса», – ответил он на вопрос одного встречного старца⁴⁹.

В известных жизнеописаниях Пророка данный эпизод просто пересказывается, но не комментируется и не анализируется. Минимальная результативность расспросов, похоже, свидетельствует о том, что Мухаммад переоценил свой авторитет, и он сам понял это, вследствие чего было принято решение найти более достоверный источник информации о противнике. В разведку был отправлен Али ибн Абу Талиб с большой группой мусульман, которые вскоре привели двух пленников. Пока Мухаммад молился, его сподвижники попытались побоями склонить их к нужным показаниям. Пророк осудил их действия в присутствии пленников и тем самым расположил их к себе. Этот психологический прием «кнута и пряника» позволил ему разузнать необходимые сведения и принять упреждающие меры в отношении мекканцев. Но распоряжения Мухаммада были не совсем адекватны сложившейся ситуации. Его явные ошибки исправил сподвижник Хубаб ибн ал-Мунзир, заявивший, что «военная хитрость» Пророка может обернуться большой военной неудачей, и предложил собственный план рекогносцировки мусульманского отряда, суть которого заключалась в разрушении колодцев Бадра за исключением одного водоема, который будет контролироваться Мухаммадом. Другое рациональное предложение исходило от Саида ибн Муаза, который высказался за сооружение командного пункта и обеспечение надежной охраны самого Мухаммада, а также обеспечение для него безопасного пути отступления в случае неудачного исхода сражения.

Личный вклад Пророка в победу заключался в следующем: он попытался внести раскол в ряды мекканцев с помощью авторитетного мекканца Утбы ибн Рабия, чей сын был мусульманином, но эта попытка не увенчалась успехом; он устроил показательный смотр своего войска, во время которого сильно ткнул стрелой в живот одному воину, который выразил недовольство этим, а Пророк в ответ обнажил его живот и поцеловал⁵⁰, благословляя его на битву; он вошел в свою палатку на командном пункте, помолился, прилег вздремнуть, после чего объявил, что в предстоящем сражении на стороне мусульман выступят ангелы во главе с Джибрилем; он еще раз об-

⁴⁹ *Ибн Хишам*. Указ. соч. – С. 210.

⁵⁰ Там же. – С. 217.

ратился к своему войску с ободряющей речью, призывая «обагрить свои руки кровью противника»⁵¹, но запретил под страхом возмездия убивать кого-либо из своего рода – *бану хашиим*; он совершил магический обряд, бросив в сторону мекканцев горсть камешков.

После победы Мухаммад не скрывал своей радости и открыто торжествовал, приказав сбросить тела убитых мекканцев в колодец и демонстрируя неприкрытые нотки мстительности: «О, сброшенные в колодец! Вы были плохим родом для вашего Пророка: обвиняли меня во лжи, а люди мне верили; вы меня изгнали, а люди мне дали убежище; вы воевали со мной, а люди мне помогли»⁵². Мухаммад сурово отчитал даже свою жену Сауду бинт Зама'а за то, что та сочувствовала унижительному и бедственному положению пленных мекканцев, в частности Абу Язида Сухайла ибн Амра: «О, Сауда! Ты что, против Аллаха и Его посланника натравливаешь?»⁵³

Апофеозом жестокости по отношению к политическим противникам стала санкционированная им кровавая расправа над племенем *бану курайза* (627 г.), картины которой сохранились в *хадисе* Абу Амра ал-Мадани: «Когда Пророк победил бану Курайза, он взял из них около четырехсот мужчин. Они были союзниками ауситов против хазраджитов. Пророк приказал отрубить им головы. Хазраджиты стали отрубать им головы, и это их радовало. Пророк посмотрел на хазраджитов и увидел их лица радостными. Посмотрел на ауситов, но такого не увидел и подумал, что это по причине союза между ауситами и бану Курайза. От рода бану Курайза остались лишь двенадцать человек. Он отдал их ауситам: каждому двум мужчинам ауситов отдал одного из бану Курайза и сказал: «Пусть ударит такой-то, а такой-то будет добивать»⁵⁴.

Здесь у религиозного идеалиста Мухаммада просматривается холодная расчетливость, характерная для людей настойчивых, последовательных и непритязательных. В то же время у него обнаруживаются качества, несвойственные пикническому типу циркулярной группы людей, описанному Э. Кречмером, а именно: резкая альтернативность чувствований и логических формулировок, выражающаяся в горячей ненависти, которая смешивается с трогательной благожелательностью. С данной характерологической точки зрения, он является типом героя «великих переворотов, которым не нужно реалистов, когда невозможное становится единственной возможностью»⁵⁵. Такие люди до конца жизни остаются преданными своей строгой религиозно-этической системе. Победа в битве при Бадре высветила лишь отдельную группу акцентуированных черт характера Мухаммада, зафиксированных его сподвижниками и последователями.

⁵¹ Там же. – С. 218.

⁵² *Ибн Хишам*. Указ. соч. – С. 223.

⁵³ Там же. – С. 225.

⁵⁴ Там же. – С. 245.

⁵⁵ *Кречмер* Э. Указ. соч. – С. 243.

Иная картина раскрывается коллизией битвы при Ухуде (625 г.), в которой мусульмане потерпели поражение. Узнав из секретного послания своего дяди ал-Аббаса ибн Абд ал-Мутталиба о том, что мекканцы собираются напасть на мусульман в ответ на поражение при Бадре, Мухаммад со свойственной ему прозорливостью и с учетом бадрского опыта предварил практические меры противодействия идеологической подготовкой, сообщив своим сторонникам об очередном божественном ниспослании: «Поистине, те, которые не веровали, тратят свое имущество, чтобы отвратить от пути Аллаха, и они издержат его. Потом это окажется для них огорчением, потом они будут побеждены!» (VIII, 36). Остается открытым вопрос: верил ли сам Мухаммад именно в такой исход нового сражения с мекканцами? Надо полагать, в глубине души он все-таки испытывал серьезные сомнения, и его терзали всевозможные опасения, т. к. источники сообщают о вещем сне Пророка, истолкованном им же: жертвенную корову, явившуюся ему во сне, он отождествил с гибелью некоторых верных сподвижников, зазубрину на лезвии меча – с потерей на поле боя своего близкого родственника (им впоследствии оказался его дядя Хамза ибн Абд ал-Мутталиб), а прочную кольчугу сравнил с непоколебимостью Медины.

Следствием таких сомнений явилось то, что Мухаммад решил вступить в битву только в том случае, если мекканцы предпримут штурм Медины. Против оборонительной тактики выступили те его сторонники, которые не участвовали в битве при Бадре. Дальнейшее поведение Пророка трудно поддается логическому осмыслению: он подчинился наиболее воинственно настроенной части общины и приказал идти навстречу мекканцам. Его не остановило даже то, что в этот момент сторонники наступления выразили сожаление по поводу своей поспешности, и он заявил: «Пророк не должен, если надел кольчугу, снять ее, пока не повоюет»⁵⁶. В пути следования часть *ансаров* повернула обратно, и в отряде мусульман осталось около семисот человек, тогда как мекканцев насчитывалось более трех тысяч, и они лучше были подготовлены к сражению. Мухаммаду посоветовали прибегнуть к содействию союзных иудеев, однако он посчитал это излишним. Причину подобной самоуверенности невозможно проследить по источникам, но есть основания полагать, что Пророк намеревался достичь победы за счет самопожертвования и безоговорочного послушания своих воинов, и, наверное, не случайно в качестве боевого клича он выбрал однозначный призыв: «Смерть!» Мусульмане, безусловно, могли добиться успеха в этой битве, если бы резервный отряд лучников не устремился в лагерь полуразбитого противника за трофеями. Мекканцы воспользовались этой их оплошностью, вплотную приблизились к командному пункту Мухаммада и даже ранили его. Победа мекканцев не только огорчила Мухаммада, но и обострила в нем чувство мести, особенно за глумление над телом его дяди Хамзы ибн Абд ал-Мутталиба: «Я никогда не был зол, как сейчас!»⁵⁷

⁵⁶ *Ибн Хишам*. Указ. соч. – С. 248.

⁵⁷ Там же. – С. 263.

Мухаммаду пришлось приложить много усилий для того, чтобы максимально сгладить горечь поражения и обеспечить незыблемость своего авторитета. Он демонстративно посещал семьи, оплакивавшие гибель родственников, плакал сам над телами погибших, распоряжался о достойном их погребении и даже предпринимал действия, которые должны вызвать жалость и к нему самому. Для того чтобы поддержать боевой дух соратников, он, несмотря даже на то, что мекканцы удалились от Медины, приказал выступить в поход, будто бы намереваясь преследовать их, хотя вряд ли целью этого демарша было желание немедленно сразиться с ними. Данное предположение согласуется с выводом ранних биографов Мухаммада: «Посланник Аллаха выступил лишь с целью напугать врага, чтобы до них дошло, что он выступил против них, чтобы поняли, что у него есть силы и что постигшее мусульман поражение не устрасило их»⁵⁸. Действительно, Мухаммад, удалившись от Медины на некоторое расстояние, простоял в местечке Хамра ал-Асад три дня, потом вернулся. Уроки поражения при Ухуде требовали глубокого осмысления произошедшего, но Мухаммад и в этом случае предпочел прибегнуть к авторитету Аллаха, который в своих откровениях (ряд аятов суры «Семейство Имрана») ограждает Пророка от возможных обвинений и ответственность за поражение возлагает на мусульманскую общину в целом: «Разве же после того, как вас постигло бедствие (т. е. поражение при Ухуде. – М.Р.), – а вы причинили двойное (т. е. победа при Бадре. – М.Р.), – вы сказали: «Откуда это?» Скажи: «Это от вас самих», – поистине, Аллах над всякой вещью мощен!» (III, 165). Битва при Ухуде явилась единственным серьезным поражением Мухаммада и отрезвила многих мусульман, уверовавших в легкую победу⁵⁹.

Таким образом, анализ обстоятельств битв при Бадре и при Ухуде позволяет выявить две линии поведения Мухаммада: Пророк торжествующий и Пророк скорбящий. Несмотря на столь очевидную полярность пережитых им чувств, он, в отличие от подавляющего большинства своих сторонников, остался настолько искренним, что ни на миг не сомневался в главном – безусловной истинности того, во что уверовал. Из этого однозначно явствует, что Мухаммад был цельной личностью, обладающей определенными характерологическими чертами: он свято, а не корыстно, верил во все то, что говорил, и старался выстраивать свои действия сообразно идеологии нового вероучения. Со слов Умара ибн ал-Хаттаба, одного из «праведных» халифов и ближайших сподвижников Мухаммада, ему приписывается признаваемое всеми мусульманскими теологами высказывание: «Поистине, дела [оцениваются] только по намерениям, и поистине, каждому человеку достанется только то, что он намеревался [обрести]»⁶⁰. Данное изречение хронологически относится к периоду после переселения в Медину и осуждает поступок некоего *мухаджира*, который покинул Мекку не по религиозным

⁵⁸ Там же. – С. 265.

⁵⁹ *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Указ. соч. – С. 224.

⁶⁰ *Ан-Навави*. Указ. соч. – С. 9.

мотивам, а намереваясь жениться на женщине, которая выдвинула именно такое условие, тем не менее, оно полностью согласуется с кораническим откровением: «Если вы скроете то, что в душах, или откроете это, узнает Аллах: ведь Он знает то, что в небесах и что на земле» (III, 29).

Здесь, бесспорно, просматривается позитивность как самой позиции Мухаммада, так и установок проповедуемого им вероучения, соответствующих общечеловеческим нравственным ценностям, в т. ч. и отдельным элементам арабско-бедуинской *мураввы*. Такое соответствие не могло не способствовать объективному возрастанию роли личности Пророка в мусульманской общине. Поэтому, торжествуя победу при Бадре, он предостерегал сподвижников от чрезмерного упования на собственные силы, утверждая, что военный успех был всецело предопределен божественной волей, и эта победа находилась в прямой зависимости от степени уверования людей в Аллаха.

В таком же ключе оценивалось и поражение при Ухуде, причем Мухаммад всегда оставлял надежду на грядущие божественные милости и вознаграждение: «Аллах не таков, чтобы оставить верующих в том состоянии, как вы, до того, как Он отличит мерзкого от хорошего» (III, 179). Единственное требование к жаждущим награды – это отказ от осуждения деяний Аллаха и безоговорочное подчинение ему и его посланнику. Из данной посылки следуют и уроки ухудского поражения, заключающиеся, по мнению Ибн Хаджара ал-Аскалани (1372–1449 гг.), в том, что пророки всегда подвергались испытаниям, чтобы в процессе перемежающихся побед и поражений легче было отделять истинных мусульман от мнимых, богобоязненных людей от лицемеров, стойких от колеблющихся.

Таким видится пророческая ипостась Мухаммада, а что касается оборотной стороны, т. е. чисто человеческой сущности, то здесь возможны взаимоисключающие суждения, проливающие свет на важнейшие обстоятельства, которые так или иначе способствовали обеспечению цельности его натуры. В битве при Ухуде он явственно ощутил угрозу собственной жизни, а получив ранение, пусть даже не смертельное, позволил себе усомниться в предопределенности случившегося. Возможно, он допустил непроизвольную слабость, которую не заметили или не пожелали заметить его соратники. Когда угроза его жизни миновала, он наверняка почувствовал внутренний дискомфорт, острый конфликт духовного и бытийного начал. Надо полагать, это чрезвычайное эмоциональное напряжение сильно беспокоило его, потому что он считал: его совесть перед Аллахом должна быть безупречно чистой. Выходом из этого конфликта послужило самоосуждение, выразившееся в божественном откровении: «Тебе нет ничего в этом деле: обратится ли Он к ним (к людям. – М.Р.) или накажет» (III, 128).